

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫП. 22

СРЕДНЯЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ
ГЕОГРАФИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ
Книга 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1980

С. Г. Кляшторный

ДРЕВНЕТЮРКСКАЯ НАДПИСЬ НА КАМЕННОМ ИЗВАЯНИИ ИЗ ЧОЙРЭНА

В 1928 г. в Академию наук СССР из Ученого комитета МНР поступили четыре фотографических снимка с общим видом кургана в каменистой пустыне и «каменной бабы» на его вершине. На передней части фигуры с трудом просматривались знаки древнетюркского рунического письма. Фотографии были переданы С. Е. Малову, а в 1933 г. он получил от Ц. Ж. Жамцарано рисунок надписи. В 1936 г. С. Е. Малов опубликовал ее предварительное чтение и перевод [20, с. 251—259]. К сожалению, изображения оказались совершенно неудовлетворительны. Различимы были далеко не все знаки, но даже заметные кое-где «полустертые буквы» исследователь не стал приводить в публикации¹. Естественно, это не могло не отразиться на чтении. Надпись казалась слишком фрагментарной, чтобы привлечь чей-либо интерес, а сам С. Е. Малов уже не возвращался к ней в своих сводных работах. Справедливость общего забвения предстояло проверить, и в августе 1968 г., во время командировки в Монголию, автор получил такую возможность.

ПАМЯТНИК

Курганы на южном склоне горы Сансар-Ула, в 180 км на юго-восток от Улан-Батора и в 15 км на северо-восток от нынешней железнодорожной станции Чойрэн, являются, по замечанию В. А. Обручева, «последней колонией» древних могил, выдвинутых с севера в Гоби [27, с. 76]. На одном из них и стояло изваяние с надписью, хранящейся с 1929 г. в Центральном государственном музее МНР (Улан-Батор) (рис. 1).

Изваяние высечено из буровато-серого гранита. Его общая длина — 132 см, ширина — 41 см, ширина лица — 37 см, наиболь-

---

¹ Публикация С. Е. Малова с попыткой некоторых лексических поправок была повторена Х. Н. Оркуном [55, с. 164—168].

Рис. 1. Каменное изваяние из Чойрэна на месте первоначального нахождения

шая толщина камня (на уровне рта) — 22 см. По своим иконографическим особенностям изваяние не выходит из круга древнетюркских каменных скульптур и относится к тому их типу, для которого характерно изображение только головы или лица человека при полном отсутствии каких-либо иных деталей [8, с. 54; 41, с. 26]. Голова выделена из монолита и смоделирована объемно, показаны шея и плечи. Лицо мужское, монголоидное, с четко намеченными линиями ушей, бровей, носа, рта и усов с загнутыми вверх концами, слабо показана небольшая клиновидная борода, прическа не обозначена. Перед нанесением надписи передняя часть тулова была грубо подтесана. Обычно этот тип древнетюркских изваяний датируется VI—VIII (VI—VII) вв. [41, с. 45].

Судя по фотографиям 1928 г., опубликованным С. Е. Маловым, курган с изваянием был довольно велик и сооружен наброской крупных каменных обломков. Сооружение каменных курганов подобных масштабов завершилось в гунно-сарматское время, за несколько столетий до появления здесь древнетюркских памятников, и потому очевидно, что изваяние с надписью найдено не *in situ*. Перемещение тяжелого гранитного монолита на древний курган, расположенный над старым путем караванов и перекочевков из Гоби в Хангай (в по-

следние столетия здесь проходил Ургинско-Калганский тележный тракт), никак не связано с первоначальным назначением намогильного памятника и само по себе представляется загадочным.

ТАМГИ

Начальная строка Чойрэнской надписи обозначена двумя тамгами. Тамга в начале надписи обычна для рунических памятников Монголии и Енисея, она как бы входит в состав надписи [33, с. 65] (рис. 2, 1).

Возникновение и семантическая эволюция тамги у кочевых племен Центральной Азии, прежде всего тюркских и монгольских, связаны с зарождением и развитием института собственности на скот. Основное значение этого слова в большинстве тюркских языков — «тавро, знак собственности, которым клеймится скот» [31, стб. 1003—1004; 6, с. 729]. Только в этом значении зарегистрирован термин и в наиболее древних памятниках — енисейских надписях: *tamqaly jylqy* 'скот, отмеченный клеймом', *tamqa at* 'клеяменная лошадь' [21, с. 49, 73—74].

Все известные источники, в той или иной мере сохранившие древнетюркскую традицию, засвидетельствовали употребление тамг как родовых или племенных знаков собственности. Так, Махмуд Кашгарский (XI в.) пишет о тамгах огузских племен: «Все эти знаки являются клеймами их скота и лошадей, и при смешении животных каждый род (*баты*) по этим приметам узнает при осмотре свою скотину и лошадей» [24, с. 310]². Вместе с тем тамга превращается в родо-племенной символ [24, с. 309; 42, с. 32; 32, с. 88—89; 17, с. 53—54; 29, с. 301—303]. Обе эти функции тамги сохранили у тюркских и монгольских племен и народов вплоть до недавнего времени [3, с. 408—421; 35; 13, с. 43—49; 7, с. 39—40; 37].

В созданных тюркскими племенами государствах Центральной Азии и Южной Сибири (VI—IX вв.), а вслед затем и в тюркских государствах Средней Азии наряду с родо-племенными тамгами появились новые категории знаков. Так, Л. Р. Кызласов рассматривает тамги, известные по енисейским руническим памятникам, как лично-семейные эмблемы крупных феодалов, наследственных владельцев шести феодальных уделов [18, с. 104—118; 19, с. 38—49].

Больше отвечает современному состоянию знаний о древнетюркской геральдике мнение А. фон Габэн: «Остается неясным, была ли тамга общей для всего племени, или этим знаком метила свою собственность отдельная семья, причем у близкородственных семей она модифицировалась внесением небольших изменений» [49, с. 542]. Здесь же исследовательница отмечает, что, как следует из текстов (в частности, *Огуз-наме*), в социальной практике роль термина вышла за пределы обозначения «простого знака собственности» и тамга

² Следует подчеркнуть, что родо-племенными тамгами метился скот, находившийся и в частной собственности огузских семейств [2, с. 106].

1 — чойрэнские тамги; 2 — тамга по памятникам Бильге-кагана и Кюльтегина; 3 — тамга ашида в «Танском обозрении» (два варианта)

превратилась в неперменный и всеобщий атрибут семьи или племени. Появились знаки должностных лиц, официальные знаки государственной власти, а вместе с ними и соответствующие термины: *tamγačy* 'хранитель [государственной] печати' [22, с. 426], *beg tamγasy* 'печать бега, правителя' [43, с. 241—268].

Позднее различались *al tamγa* 'красная печать должностного лица' и *altun tamγa* 'золотая печать хана' [31, стб. 1004]. Встречаются упоминания сакральных или магических тамг [46, с. 323—356].

Вероятно, термин «тамга» перестал удовлетворительно определять функционально различные категории знаков. Во всяком случае, в надписи уйгурского кагана Баян-чора (747—759) три отдельных знака в наверху памятника названы иначе (*belgüm* 'мои знаки' [57, с. 23; 50, табл. 63]. Позднее появляется термин *nišan* [10, с. 359].

Особый интерес для изучения этой группы терминов представляет руническая надпись на обломке скалы, обнаруженная в 1949 г. А. П. Окладниковым и Н. Сэр-оджавом на горе Тэвш-уул (хребет Арц-Богдо, Гобийский Алтай) [4; 36; 26].

В 1968 г. я имел возможность ознакомиться с памятником, хранящимся ныне в Институте истории АН МНР (Улан-Батор). Знаки процарапаны достаточно четко и двумя строками обрамляют вырезанное в центре камня изображение тамги. Палеографически надпись может быть датирована VIII в. В тексте упомянута «личная печать Йагыз-чора» (*jaγyz čor tuγraγy*). Предполагалось, что слово «тугра», часто упоминаемое в сельджукских и османских текстах в значении «монограмма султана», впервые засвидетельствовано Махмудом Кашгарским (XI в.): «Тугра — печать или монограмма хана по-огузски; тюрки не знают этого слова, и я не знаю его происхождения» [54, с. 462]. В контексте надписи термин связан с изображенным ниже знаком, который может рассматриваться как личный знак (герб, монограмма?) названного в надписи знатного лица. Следует оговорить, что тугра, как это следует из всех позднейших текстов и комментариев к ним, всегда личный, а не семейный или родовой знак хана. Теперь очевидно, что в древнетюркской геральдике и сфрагистике наличествовало несколько категорий личных, лично-семейных, родовых и племенных знаков, различие в значении и употреблении которых еще далеко не прояснено.

Одна из двух тамг Чойрэнского памятника — схематическое изображение горного козла — достаточно хорошо известна. Этот

знак высечен в навершиях памятников Кюль-тегина (рис. 2, 2), на Асхетской плите, в навершии Онгинского памятника (в сочетании с тамгами его героя)³. Еще В. В. Радлов назвал его «ханской тамгой» [30, табл. 9], но определение знака как родовой тамги второй тюркской династии (682—744) является более полным.

Вторая тамга Чойрэнской надписи среди известных нам изображений тамг тюркского времени не встречена, хотя ее основные элементы — полукружие на «ножке» и зигзаг с закругленными изломами — отнюдь не уникальны [40, с. 239]. Впрочем, отсутствие петроглифических свидетельств вполне окупается свидетельством единственного аутентичного источника, который воспроизвел очертания древнетюркских тамг.

В 804 г. один из историографов танской династии составил краткое «обозрение» всех документов, включенных в династийные анналы танской эпохи. В 852 и 961 гг. это сочинение было пополнено новыми разделами, охватывающими документы более позднего времени, и получило известность под названием «Танское обозрение» (см. [12, с. 98, 132; 53, с. 453]).

Одним из самых ранних документов, сохранных «Обозрением», оказался интендантский реестр VIII в., составленный имперскими ремонтерами, которые скупали лошадей у тюркских племен Центральной Азии. Реестр, использовавшийся как практическое руководство при покупке лошадей, содержит список и несколько стилизованные рисунки тамг 36 племен. Девятнадцатым в списке названо племя ашидэ, пасшее своих лошадей к северу от Иньшаньских гор.

Косские пастбища на север от Иньшаня начинались у южных отрогов Хангая, где-то недалеко от Чойрэна, так как в Южной Гоби пасут не лошадей, а верблюдов. Само по себе это обстоятельство не представляло для нашей темы, если бы не помещенный здесь же, в «Обозрении», рисунок тамги ашидэ (два варианта) — зигзаг с закругленными изломами и полукружие с двумя диакритическими черточками внутри изгиба⁴ (рис. 2, 3).

Идентификация второй чойрэнской тамги и тамги ашидэ по основным элементам не вызывает сомнений. Зеркальный поворот зигзага особого значения не имеет: на лошадином крупе тамга ориентирована в зависимости от того, каким клеймом она прижигается — «прямым» или «зеркальным». Очевидна также некоторая стилизация книжного воспроизведения тамги: в одном из вариантов наполовину «сокращен» зигзаг, в другом исчезла соединительная черта между зигзагом и полукружием.

Более существенно разнится книжный рисунок от лапидарного изображения двумя диакритическими чертами внутри полукружия. Это отличие связано с закономерностями изменения основной тамги (прототипа), которой в данном случае является чойрэнская тамга. Лично-семейные тамги изменяются при переходе к следующему

³ Наиболее полная сводка встречающихся изображений этой тамги составлена А. Д. Грачом [9].

⁴ Ср. также хорезмийскую «тамгу Сиявушидов», датируемую кушанской эпохой, совершенно аналогичную по очертаниям [39, с. 182].

поколению наследников, исключая наследника, имеющего правовое преимущество: к нему тамга переходит без изменений [35, с. 18; 34, с. 4]. Но из текста цитированного источника следует, что здесь речь идет о родовой или племенной тамге. В таком случае различия возникают либо при воспроизведении одной из родовых тамг, которая является вариацией общеплеменной тамги, либо при воспроизведении тамги одного из колен рода, также варьирующей общеродовой знак [7, с. 39; 13, с. 43].

Было бы трудно с достаточной уверенностью определить ашидэ как род или как племя. Вместе с ашина это родовое объединение было знатнейшим в Тюркском каганате; своим предком ашидэ считали одного из «древних каганов» [56, с. 332]. Весьма вероятно, что первоначально ашина и ашидэ вместе составляли дуальную эндогамную систему, столь хорошо известную у тюркских и монгольских народов [11, с. 77—95; 1, с. 143—144]. Отношения свойства между ними фиксируются и в интересующую нас эпоху.

Вожди ашидэ носили титул *иркин* (*эркин*), обычный для племенных вождей в Тюркском каганате [53, с. 139, 350]. Вместе с тем их особое положение определялось родством с династией; не случайно один из *иркинов* ашидэ носил титул *тегин* 'князь из царского рода, принц' [53, с. 136]. Известна и далеко зашедшая сегментация родовой группы ашидэ: в «Танском обозрении» упомянуты *да ашидэ* и *баянь ашидэ*; их тамги отличаются от тамги ашидэ [53, с. 453].

Для конца VII—VIII вв., вероятно, было бы правильное говорить об ашидэ как об одном из племен каганата, которое вместе с ашина было основной военно-политической опорой тюркской династии. Именно вожди ашидэ стали инициаторами освободительного восстания тюрков (679—682) [53, с. 157]. После трех лет жестокой и трагической борьбы тюркские племена покончили с пятидесятилетним господством Танской империи.

НАДПИСЬ

Надпись врезана в переднюю часть изваяния. Многие знаки не сохранились, но, по мнению польского тюрколога Э. Триярского, обследовавшего памятник в 1962 г., 10 из них могут быть восстановлены, что, впрочем, не снимает значительных трудностей дешифровки [59, с. 169—170]. В 1968 г. акад. Б. Ринчен издал фотографию надписи, которой, однако, невозможно воспользоваться из-за плохого качества изображения и искажившей некоторые знаки ретуши [58, с. 39]. Практически более или менее полное чтение стало возможно только после тщательного визуального изучения подлинника под разными углами освещения; результаты такого изучения представлены на рис. 3.

Надпись состоит из 72 зарегистрированных знаков в шести строках, расположенных не всегда последовательным бустрофедоном. Не оказалось возможным чтение нескольких знаков в начале первой строки, в начале и конце шестой строки, совершенно стертых или

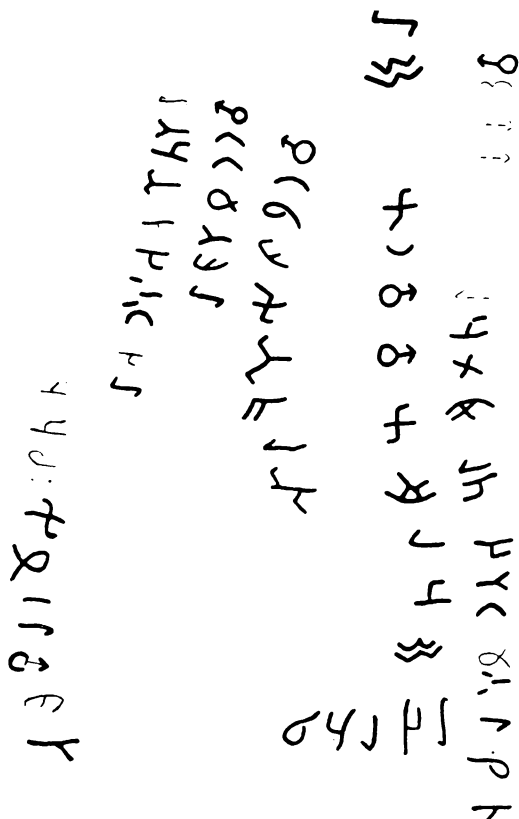

Рис. 3. Чойрэнская надпись (рисунок)

поврежденных. Хотя палеографически надпись не отличается от больших орхонских памятников тюркского времени, однако выполнена она значительно менее тщательно; отсутствует и орфографическая унифицированность. Надпись сделана явно без предварительной подготовки текста и разметки стелы, столь характерных для больших памятников (рис. 4). Она как бы записана со слов автора на первой подходящей для письма крупной каменной плоскости, найденной исполнителем.

Транскрипция:

[1] . . .ilig yt(t)y säbin baryn,

[2] älteris qaḡanqa

[3] tun bilga

[4] tun jägän irkin

[5] jäti qa adyrylmaz tutunuz da

[6] toñ [uquq] . . . [i]tdim yrqučun [?] äb aḡyl baḡa. . .

Перевод:

[1] . . .государь [меня] послал: «Радуйся и иди!» — [он сказал]

[2] От Эльтериш-кагана

[3] [вы] Тун-бильге,

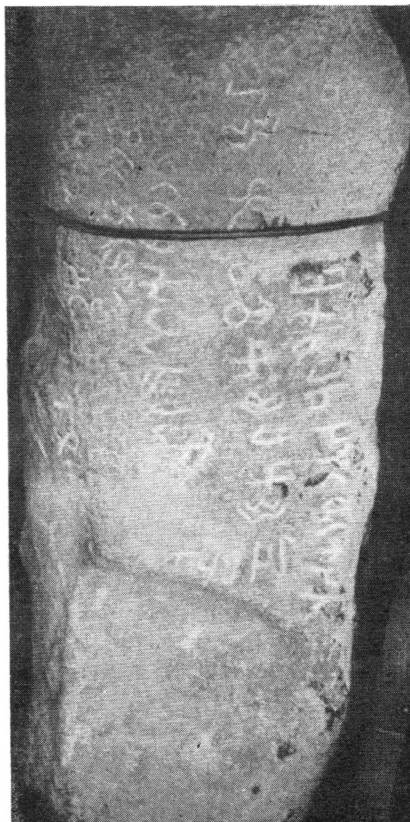
[4] Тун-йеген-иркин

[5] вы, семь сородичей, смотрите не отделяйтесь же!

[6] Я, Тонь [юкук], [государство?] привел в порядок (создал). Ради предсказания (? ради моего предвидения? за мои советы?) дома и загоны для скота мне. . .

Замечания: стк. 1. Первые знаки можно читать и как окончание предыдущего слова — *-lig*. Тогда следует переводить «. . .он послал»; стк. 2. Как и в енисейских памятниках, глагол *adyryl-* употреблен здесь при дательном падеже объекта (*qaɣanqa*) [21, с. 12]; стк. 5. Сочетание *adyryl-maz tutunuz* — скорее разговорная, чем литературная, форма и в древних памятниках еще не отмечалось. Однако другое чтение практически исключено. В более буквальном переводе: «Не поддавайтесь на отделение; старайтесь удержаться от отделения». Вообще же эта форма типична для тюркских языков [16, § 842].

Прочтение второго слова в строке как *aga* 'старший брат' здесь маловероятно, так как это монгольское слово проникло в тюркский и вытеснило там общеупотребительное *eçi ~ eçü* несколько позднее [48, т. 1, с. 137—138]. Скорее здесь следует видеть известное по древнетюркским и древнеуйгурским памятникам *qa* 'родственник, родич', обычно употребляемое в парном словосочетании *qa qadaš* [10, с. 399]. Изолированное употребление *qa* здесь, возможно, обусловлено отсутствием места; стк. 6. Сочетание *yrquçun* с фонетической ассимиляцией послелого (*uçun* вместо *üçün*) не вполне понятно. Слово *yrq* 'предсказание, пророчество, гадание' здесь, быть может, означает «совет» или «план действий». Глагол *it-* в древнетюркских надписях обычно употребляется в сочетании со словами *äl* или *bodun* в значении «устраивать, приводить в порядок государство или народ, создавать государство, управлять государством, народом» [25, с. 82—83].

СОБЫТИЯ

С. Е. Малову принадлежат две оправдавшие себя догадки о характере надписи: а) надпись не имеет отношения к изваянию, которое было использовано лишь как материал для письма; б) надпись не является эпитафией [20, с. 252—255]. Анализ обеих тамг показал, что надпись относится к эпохе второго Тюркского каганата (682—744) и принадлежит вождю из племени ашидэ. Текст называет имя автора надписи и имя кагана, которому он служил в момент создания памятника.

Вождь восставших против китайского гнета тюрок тудун Кутлугчор, принадлежавший к боковой ветви каганской династии, провозгласил себя каганом возрожденного «эля тюркского народа» и принял тронное имя Эльтериш-каган в 682 г. Командующим его войском, ближайшим советником и сподвижником кагана стал один из влиятельных вождей ашидэ — Тоньюкук [14, с. 202—205]. Через несколько десятилетий, напоминая наследникам Эльтериш-кагана о своих заслугах, Тоньюкук рассказывал об этих первых, самых трудных годах войны за независимость на юге Гобийской пустыни: «[6] Так как Небо даровало мне мудрость, то сам я и принудил (упросил) его стать каганом. „С мудрым Тоньюкуком в качестве бойла бага таркана [7] да буду я Эльтериш-каганом!“ — [сказал он]. Много [каган] тогда сразил китайцев на юге, киданей на востоке, огузов на севере. А я был его товарищем по знанию, его товарищем по славе» [22, с. 61].

После 687 г. война на юге Гоби прекратилась. Военные действия были перенесены на север — началась война за Отюкенскую чернь (совр. Хангай), старый центр тюркских земель в Монголии, занятый после падения первого Тюркского каганата (630 г.) племенами токуз-огузов. Разгромленные Тоньюкуком в битве на р. Толе, огузы признали власть тюркского кагана и уступили ему господство в Отюкенской черни.

Стратегическое положение этого района было исключительно выгодным. От линии китайских пограничных укреплений он был отделен пустыней, труднопроходимой для китайской пехоты, но легко преодолеваемой тюркской конницей в осенние и зимние месяцы. Непосредственная близость к землям азов, чиков, кыргызов, киданей, татабы, не обладавших тогда столь же сильным и хорошо организованным войском, как тюрки, ставила под контроль «кагана Отюкенской черни» не только всю Монголию, но и прилегающие области Южной Сибири и Юго-Западной Маньчжурии. Обильные травой и водой пастбища Орхона, Толы и Селенги благоприятствовали развитию скотоводческого хозяйства. Поэтому Тоньюкук в числе своих главных заслуг перед каганской династией и тюркским народом упоминает и то, что именно он, «мудрый Тоньюкук, избрал местом жительства землю Отюкен» [22, с. 61].

Война за независимость и возрождение тюркского эля кончилась в 687—688 гг. занятием Отюкена, а в ноябре 691 г. умер основатель государства — Эльтериш-каган. Чойрэнская надпись, установленная

на южной границе Хангая еще при жизни Эльтериша, относится, следовательно, к периоду 688—691 гг. и может считаться самой ранней датируемой древнетюркской надписью, первым письменным памятником второго Тюркского каганата.

Как и большая надпись Тоньюкука из Баян Цогта, Чойрэнская надпись начинается и завершается *arologia pro vita sua*, хотя и несравненно более скромной. Тоньюкук здесь лишь подчеркивает особое доверие к нему кагана в деле и щедрость в наградах. Основное же содержание надписи — политическая прокламация, обращенная к новым вассалам кагана, с настоятельным призывом сохранить верность своему сюзерену.

Среди них — «семь сородичей», упоминание которых позволяет установить коррелятивную связь Чойрэнского памятника с тем разделом Онгинской надписи, где описаны синхронные события (стк. 4—5). Оценивая военную ситуацию накануне перехода тюрков из Гоби в Хангай, т. е. до 687 г., Онгинская надпись называет главным врагом тюрков на севере «среди бегов огузов семь мужей», которые благодаря действиям отца автора надписи, Элетмиша-ябгу, «пошли за Его священным Величеством», т. е. стали вассалами Эльтериш-кагана [23, с. 10; 46, с. 188].

В именах двух других вождей, названных в надписи, прежде всего привлекает внимание общий элемент — слово *tun* 'первый, первенец', довольно часто встречающееся в гонорофорных именах наиболее знатных представителей тюркской и уйгурской аристократии VII—IX вв. [14, с. 204]. Однако больше возможностей для идентификации открывает имя и титул Йеген-иркин. Титул *иркин* носили все вожди огузских племен [5, с. 254]. Лишь в известиях об одном из этих племен, политически наиболее значительном, уйгурах, встречаются два наименования их вождей — *иркин* и *эльтебер* [5, с. 301—302; 23, с. 18].

В перечне имен некоторых племенных вождей второго Тюркского каганата назван Йеген-эльтебер, вождь уйгуров; не исключено и другое чтение — «Йеген и эльтебер» [53, с. 259]⁵. А в описании событий 714 г. упомянут вождь уйгуров эльтебер Йеген-чор (эльтебер и Йеген-чор?), который отделился от Капаган-кагана [5, с. 365].

Надпись Кули-чора, повествуя о событиях той же эпохи, сообщает: (стк. 21) «Эльтебир сам пришел (подчинился), пришел (подчинился) и его товарищ по делам и мужеству, сын эркина (иркина) Йеген-чор» [23, с. 28—29]. В следующей строке названо имя иркина: «Йеген-чор, сын Шир-иркина, пришел (подчинился)» [47, с. 10]. Упоминание имени отца оправдано здесь тем, что немного ниже названо другое лицо с тем же именем — «Йеген-чор, сын Кули-чора Тардушского» [47, с. 10]. Однако фрагментарный характер надписи не позволяет уверенно отнести эпизод из 21-й строки к уйгурам, так как в той же строке упомянуто подчинение карлуков.

---

⁵ О титуле *эльтебер* и его транскрипциях см. [51, с. 97].

В то же самое время (716—717) Бильге-каган называет уйгуров *eki elteberlig bodun* — «народом, имеющим двух эльтеберов (правителей)» [23, с. 18].

Имеется достаточно оснований предположить, что Тун Бильге и Тун Йеген-иркин Чойрэнской надписи — вожди уйгуров. Сын одного из них — возможно, «сын иркина Йеген-чор» — вместе с эльтебером, унаследовав главенство над уйгурами, играл немаловажную роль в событиях второго десятилетия VIII в.

Подчинение племенного союза токуз-огузов и включение его в военно-политическую систему второго каганата было той важнейшей задачей Эльтериш-кагана и Тоньюкука, без решения которой тюркское государство не могло быть создано. Огузские племена, более многочисленные, но менее сплоченные, чем тюрки, стали в рамках тюркского эля едва ли не главной опорой каганата в тяжелых войнах с Танской империей, агрессивные устремления которой в течение нескольких столетий определяли политическую ситуацию в Центральной Азии.

Чойрэнская надпись — один из немногих письменных документов, относящихся к острейшему моменту борьбы тюркских племен за создание своего независимого государства, такого государства, которое смогло бы противостоять постоянной угрозе с юга.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамзон С. М. Формы родоплеменной организации у кочевников Средней Азии. — ТИЭ. Н. сер. Т. 14. М., 1951.
2. Агаджанов С. Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв. Аш., 1969.
3. Аристов Н. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков. — ЖС. Вып. III—IV. 1894.
4. Бернштам А. Н. Новые древнетюркские и китайские эпиграфические находки. — ЭВ. Т. 12, 1957.
5. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.—Л., 1950.
6. Будагов Л. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. СПб., 1868.
7. Востров В. В., Муканов М. С. Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX—начало XX в.). А.—А., 1968.
8. Грач А. Д. Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961.
9. Грач А. Д. Вопросы датировки и семантики древнетюркских тамгообразных изображений горного козла. — Тюркологический сборник. 1972. М., 1973.
10. Древнетюркский словарь. Л., 1969.
11. Жданко Т. А. Очерки исторической этнографии каракалпаков. М.—Л., 1950 (ТИЭ, н. сер., т. 9).
12. Зув Ю. А. Тамги лошадей из вассальных княжеств. — ТИИАЭ. Т. 8, 1960.
13. Карпов Г. И. Родовые тамги у туркмен. — ИТФАН. 1945, № 3—4.
14. Кляшторный С. Г., Тоньюк-Ашидэ Юань-чжэнь. — Тюркологический сборник. Л., 1966.
15. Кляшторный С. Г., Самбу И. У. Новая находка рунической надписи в Улугхемском районе. — УЗТНИИЯЛИ. Т. 15, 1974.
16. Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956.

17. Кононов А. Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского. М.—Л., 1958.
18. Кызласов Л. Р. Новая датировка памятников енисейской письменности. — СА. 1960., № 3.
19. Кызласов Л. Р. О датировке памятников енисейской письменности. — СА. 1965, № 3.
20. Малов С. Е. Новые памятники с турецкими рунами. — ЯМ, Т. 6—7. Л., 1936.
21. Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952.
22. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.—Л., 1951.
23. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959.
24. Махмуд Кашгарский. Диван лугат ат-тюрк. — МИТТ. Т. 1. М.—Л., 1939.
25. Мелиоранский П. М. Памятник в честь Кюль-тегина. СПб., 1899.
26. Наделяев В. М. Древнетюркская надпись из Ховд-сомона, МНР. — Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974.
27. Обручев В. А. Список древних могил, замеченных на пути из Кяхты в Ургу и Калган. — СТОЭ. Т. 11. СПб., 1895.
28. Окладников А. П. Конь и знамя на ленских писаницах. — Тюркологический сборник. М.—Л., 1951.
29. Рабинович М. Г. Боевые кличи — «ураны». — История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.
30. Радлов В. В. Атлас древностей Монголии. СПб., 1892.
31. Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 3. СПб., 1905.
32. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. М.—Л., 1952.
33. Рыгдылон Э. Р. О знаках на плитах с руническими надписями. — ЭВ. Т. 9, 1954.
34. Симченко Ю. Б. Тамги народов Сибири XVII века. М., 1965.
35. Соколов Д. Н. О башкирских тамгах. — ТОУАК. Т. 13, 1904.
36. Сэр-оджав Н. Эртний турэгүд. Улаан баатар, 1970.
37. Сухэбатор Г. О тамгах и имах табунов Дариганги. Улан-Батор, 1967.
38. Табари. Тарих ар-русул вал-мулук. — МИТТ. Т. 1. М.—Л., 1939.
39. Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948.
40. Флуг К. К. История китайской печатной книги Сунской эпохи X—XIII вв. М.—Л., 1959.
41. Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья. М.—Л., 1966.
42. Щербак А. М. Огуз-наме, Мухаббат-наме. Памятники древнеуйгурской и староузбекской письменности. М., 1959.
43. Wang W., v. Gabaïn A. Türkische Turfan-Texte. 1. Bruchstücke eines Wahrsagebuches. — SPAW. Bd 15, 1929.
44. Wang W., v. Gabaïn A. Türkische Turfan-Texte. 5. Aus buddhistischen Schriften. — SPAW. Bd 24, 1931.
45. Chavannes E. Documents sur les Tou-Kiue (Turks) Occidentaux. Recueillis et commentés par Ed. Chavannes. St.-Pbg., 1903 (Сб. трудов Орхонской экспедиции, 6).
46. Clauson G. The Ongin Inscription. — JRAS. 1957, ч. 3—4.
47. Clauson G., Трюжарские Е. The Inscription at Ikhe Khushotu. — RO. Т. 34, 1971.
48. Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Bd 1. Wiesbaden, 1963; Bd 2, 1965; Bd 3, 1967.
49. Gabaïn A. v. Inhalt und magische Bedeutung der alttürkischen Inschriften. — «Anthropos». Bd 48, 1953.
50. Granö J. G. Ueber die geographische Verbreitung und die Formen der Alttertümer in der Nord-westmongolei. Helsingfors, 1910.
51. Hamilton J. R. Les Ouïghours à l'époque des Cinq dynasties. P., 1955.
52. Kutadgu bilig. Tipkibasim. С. 2. Istanbul, 1943.
53. Liu Ma-t-sai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken. 1—2. Weisbaden, 1958.

54. M a h m u d a l - K a ş g a r î. Divanü lûgat-it-türk tercümesi. Çev. B. Atalay. C. 1. Ankara, 1939.
55. O r k u n H. N. Eski türk yazitlari. C. 2. Istanbul, 1939.
56. P u l l e y b l a n k E. A Sogdian Colony in Inner Mongolia. — TP. Vol. 41, 1952.
57. R a m s t e d t G. Zwei uigurische Runeninschriften in der Nord-Mongolei. — JSFOu. T. 30, 1913.
58. R i n t c h e n. Les dessins pictographiques et les inscriptions sur les rochers et sur les stèles en Mongolie. Oulan-Bator, 1968.
59. T r y j a r s k i E. The Present State of Preservation of Old Turkic Relics in Mongolia and the Need for their Conservation. — UAJ. Bd 38, 1966.